ГЛАВА 1. ПРЕЕМНИК ПОМЕСТЬЯ СЕМЬИ ЛИ

— Госпожа, умоляю, успокойтесь! Он заперт здесь и не представляет для вас никакой угрозы. Если вы сделаете это и Господин узнает, он непременно разгневается, — в старческом голосе дрожали жалость и мольба.

— Как мне успокоиться?! Этот ублюдок здесь, прямо под моим носом, — в резком, визгливом голосе Госпожи кипели ненависть и злоба. — Тётушка Чжан, не пытайся меня отговорить. Я всё решила. Сегодня же он исчезнет с моих глаз. И помни: об этом знаем только мы двое. Если Господин прознает — значит, это ты проговорилась. А ты знаешь, на что я способна.

— Госпожа… — Тётушка Чжан хотела что-то добавить, но осеклась, подавленная чужой волей.

Она не на шутку боялась гнева хозяйки. Ей было невыносимо видеть, как та «добрая барышня», которую она когда-то знала, превратившись в госпожу Поместья семьи Ли, стала настолько жестокой и фанатичной.

— Тётушка Чжан, — тон Госпожи внезапно стал ледяным и спокойным, — ты служишь мне много лет и знаешь, как щедро я могу вознаградить за верность. Скоро придут люди и заберут это отродье. Жди здесь. И запомни: никто не должен об этом знать. Дашь мальчишке снотворное. Если что-то пойдёт не так, ты и вся твоя семья пожалеете, что родились на свет.

Это была уже не просто просьба — это был смертный приговор.

— Слушаюсь, — голос старухи задрожал. — Госпожа, я… я всё исполню.

— Вот и славно. Мне пора — скоро вернётся Господин. Если он спросит о мальчишке, ты ничего не знаешь. Поняла?

— Поняла… госпожа.

Почтительное обращение осталось прежним, но уважение в нём сменилось липким, удушающим страхом.

Стук каблуков медленно затих вдали. Старуха тяжело, по-стариковски вздохнула и обернулась к маленькой деревянной хижине. Скрипнула дверь. В полосе солнечного света она увидела тщедушную фигурку на узкой кровати. Мальчик сидел неподвижно, и он не мигая смотрел прямо на неё глазами, чёрными как беззвёздная ночь.

— Старший молодой господин, — Тётушка Чжан медленно подошла к кровати и взяла его за руку.

Мальчик не отстранился и не вздрогнул — он был пугающе спокоен.

— Прости меня… Прости, Сычэнь. У меня нет выбора. Если я ослушаюсь госпожу, мои близкие…

Она не успела договорить — он сжал её морщинистые пальцы исхудалой детской ладонью.

— Я знаю, тётушка Чжан, — голос мальчика был хриплым и тихим. — Если бы не вы, я бы давно здесь сгнил. Спасибо вам за всё.

Ли Сычэнь слабо улыбнулся. Он слышал каждое слово их разговора, но в его сердце не было ни капли обиды на старуху.

— Старший молодой господин! — Женщина внезапно упала на колени. — Вы ведь совсем ребёнок… За что она так с вами?

— Всё хорошо, тётушка, — он коснулся её седых волос, глядя куда-то в пустоту, словно давно смирился со своей участью. — По крайней мере, я дожил до этого дня. Спасибо за вашу доброту. Наверное, я смогу отплатить вам только в следующей жизни.

Мальчик закрыл глаза. Одинокая слеза скатилась по щеке и упала на голову старухи. Почувствовав эту влагу, тётушка Чжан вздрогнула. Она резко вскинула голову и принялась торопливо вытирать лицо ребёнка.

— Сычэнь, ты назвал меня тётушкой, а я… я ничего не сделала для тебя! Сегодня я не могу оставить тебя здесь, но я помогу тебе выжить. Слышишь? Помогу!

— Тётушка Чжан, вы и так сделали достаточно, — мальчик перехватил её руки. — Она предупредила: если что-то пойдёт не так, она взыщет с вас. Мне всё равно, правда.

— Ничего, — она легонько похлопала его по руке. — Твоя тётушка стара, но кое-какой ум у неё ещё остался. Сычэнь, я не могу тебя спрятать, но жизнь твою сберегу. Госпожа велела продать тебя и опоить снотворным. Но я не допущу, чтобы ты ушёл к этим мясникам в беспамятстве. У меня есть кое-что… это может тебе пригодиться.

Она порывисто вышла и через минуту вернулась с небольшим свертком. Ли Сычэнь наблюдал, как она разворачивает грубую ткань, и он изумился. На полотне лежали бритвенно-острые стальные пластины — такие тонкие, что казались почти прозрачными.

Заметив его удивление, старуха печально улыбнулась:

— Мои предки были кузнецами. Ковка таких тонких лезвий была их главным секретом. Я

женщина слабая, не смею перечить хозяйке, но эти ножи ты возьмёшь с собой. Спрячь их. Они могут спасти тебе жизнь.

Она приложила ткань с лезвиями к его телу и крепко обмотала её под одеждой. Сычэнь замер. Даже будучи готовым к смерти, он втайне желал спасения, и теперь в его душе робко вспыхнула надежда.

Сверток был закреплен так искусно, что под свободной рубашкой ничего не было заметно. Мальчик только теперь перестал казаться таким болезненно хрупким.

Ли Сычэнь опустил взгляд, проверяя, не выдаёт ли его что-нибудь, и, убедившись в идеальной маскировке, посмотрел на женщину:

— Спасибо, тётушка Чжан. Я обещаю: я обязательно выживу.

— Да, живи… А я буду ждать того дня, когда ты вернёшься, — старуха сквозь слёзы улыбнулась. — Помни, Сычэнь: в мире всё же больше добрых людей. Что бы ни случилось, никогда не теряй надежды. Слышишь?

— Слышу.

Спустя час у хижины появился грубый детина. Тётушка Чжан, дрожа всем телом, передала ему мальчика.

— Молодой человек… он ещё совсем дитя. Молю, не будьте с ним жестоки.

Детина лишь презрительно фыркнул. Он бесцеремонно вырвал Сычэня из рук старухи и с силой оттолкнул её.

— Я купил эту вещь за свои деньги и буду делать с ней всё, что захочу! Нечего мне тут условия ставить. Хочешь указывать — выкупай его обратно!

Бросив это, он перекинул мальчика через плечо и быстро зашагал прочь.

Сычэнь, вися на плече у этого человека, не закрывал глаз. Он видел, как тётушка Чжан с трудом поднимается с земли, глядя ему вслед и утирая слёзы. Он видел, как исчезает вдали маленькая деревянная хижина, как проплывает мимо величественная, прекрасная и ненавистная вилла семьи Ли. Он запоминал этот город. Сычэнь не знал, куда его везут, но в одном он был уверен точно: однажды он вернётся. Вернётся в город, который подарил ему жизнь и принёс столько страданий.

Его привезли в порт и швырнули в тёмный трюм. Крохотный отсек склада, всего в пару метров

шириной, был забит ветошью. Похитители думали, что мальчик крепко спит под действием снотворного, и, не стесняясь, переговаривались у входа.

— Сдавать такого мальца… совсем у людей сердца нет, — проворчал один из них. Раздался щелчок зажигалки, и в затхлом воздухе поплыл густой табачный дым.

— Говорят, ему уже двенадцать, — отозвался второй.

— Двенадцать? Да на вид лет семь-восемь, не больше. Ну и родители пошли…

— А кто сказал, что это родители? Да и плевать. Мальчишка явно недоедал, но рожа у него смазливая. За такого отвалят кучу денег. Наше дело — прибыль, остальное не колышет.

В склад влетело скомканное одеяло, упав прямо на Сычэня. Почувствовав тяжесть ткани, мальчик осторожно приоткрыл глаза. В щели двери он увидел руку одного из мужчин — того самого, что только что рассуждал о деньгах.

— Пошли отсюда. Пусть один посидит. Если запереть его с остальными оборвышами, они ему всё лицо исцарапают. А если товар будет испорчен, хорошей цены не видать.

— И то верно. Куда мы теперь?

— Кажется, в Америку. Там люди богатые, сорвём большой куш.

Тяжёлая дверь захлопнулась, шаги стихли. Ли Сычэнь понял, что в этом тесном закутке он даже не может выпрямиться в полный рост. Он осторожно подполз к щели, пытаясь рассмотреть хоть что-то. Снаружи сновали рослые, крепкие мужчины — настоящие головорезы.

Мальчик привалился к двери, до боли сжимая маленькие кулаки. Он на корабле. Бежать сейчас невозможно. Единственный шанс представится только тогда, когда они достигнут берегов Америки.

Тётушка Чжан говорила о добре, но Сычэнь уже слишком хорошо знал цену зла. Ему было двенадцать, но из-за постоянного голода он выглядел как первоклассник. Трагедия его детства наложила отпечаток и на разум: он был не по годам рассудителен, но его мышление оставалось прямолинейным и суровым.

В три года Сычэнь потерял мать. Через год Отец Ли привёл в дом новую госпожу, а ещё через полгода на свет появился второй молодой господин Поместья семьи Ли. С того момента жизнь Сычэня превратилась в ад. Его заперли в маленькой деревянной хижине, о нём забыли. Его кормили помоями, и то не каждый день. Неудивительно, что в десять лет он выглядел слабее пятилетнего ребёнка.

Всё изменилось лишь с приходом тётушки Чжан. Она стала его единственным светом, его надеждой на спасение. Только благодаря ей он всё ещё был жив.

Прошло много часов. Послышались шаги. Сычэнь мгновенно упал на одеяло, притворившись спящим. Дверь приоткрылась, на пол поставили миску, и замок снова щёлкнул.

По складу поплыл густой аромат жареной рыбы. Мальчик сглотнул слюну. Он подполз к миске и с лихорадочным блеском в глазах посмотрел на еду. Забыв о всякой осторожности, он начал жадно есть.

Опустошив миску дочиста, Ли Сычэнь удовлетворённо откинулся на стену. Он впервые за долгое время слабо улыбнулся. Но радость была недолгой: он почувствовал, как сознание плывёт, а веки тяжелеют. Он не успел даже понять, что произошло, как тьма окончательно поглотила его.

http://bllate.org/book/17536/1700185